

УДК 812`23

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-115-124

«ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ» В «ЗАПАДНОМ» ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ

Новикова А. В., Пугина Е. Ю., Холстинина Т. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с функционированием в произведениях англоязычных авторов лексических единиц, отражающих жизнь и быт народов Востока (на примере исторической Индии, ныне представленной такими государствами, как Индия, Пакистан и Бангладеш), которые условно объединяются под именем «восточных реалий», а также с особенностями их передачи на русский язык. Методика исследования опирается на выявление указанных лексем в исходных текстах и сопоставление применявшихся русскими переводчиками средств их репрезентации в переводах. Отмечаются случаи варьирования последних, вызванные их относительной значимостью в контексте произведения – от транскрипции/транслитерации (степень оправданности которой при отсутствии соответствующего комментария может быть различной) до опущения. Практическая значимость выражается в возможности использования материалов в спецкурсах по межкультурной коммуникации, лингвострановедению, художественному переводу. Теоретическая значимость выражается в возможности использования представленной методики оценки адекватности перевода на материале иных языковых комбинаций и в теории перевода в целом.

Ключевые слова: реалия, восточный, оригинал, перевод, передача, межъязыковой.

"EASTERN REALITIES" IN THE "WESTERN" TEXT: THE PROBLEM OF INTERLINGUAL TRANSFER

A. Novikova, E. Pugina, T. Kholstinina

Moscow Region State University

24 ulitsa Vera Voloshinoy, Mytischy 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The article focuses on the issues related to the functioning of lexical units that reflect the life of the peoples of the East in the works of English-speaking authors. For the study the realia of historical India, (now represented by states of India, Pakistan and Bangladesh), conventionally united under the name of "Eastern realities" were chosen. The research methodology is based on the identification of these lexemes in the original texts and comparison of the methods of their representation in translations used by Russian translators. There are cases of variation of the latter, caused by their relative importance in the context – from transcription/transliteration (the degree of appropriateness of which may be different without a correspond-

ing comment) to omission. The results of the research have practical value since they can be used in special courses on intercultural communication, linguistic studies, artistic translation. The theoretical significance is the possibility of using the presented method of assessing the translation adequacy for studies in other languages and in the theory of general translation.

Keywords: reality, Oriental, original, translation, render, interlingual.

Проблематика, связанная с сохранением национально-культурной специфики текста при его межъязыковой передаче, принадлежит к числу наиболее широко обсуждаемых вопросов, традиционно занимающих видное место как в теории, так в практике перевода. Несмотря на то, что ей посвящено достаточно большое количество исследований, она по-прежнему продолжает привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных авторов. Из отечественных трудов последних лет можно назвать [2; 8; 9], среди зарубежных авторов примером может служить [5; 10]. Обычно данную тематику связывают в первую очередь с переводом художественным, где она, вероятно, занимает место, приблизительно аналогичное тому, которое при переводе специальным отводится передаче терминов. Вопросу об отношении между ними посвящён отдельный раздел в классической работе С. Влахова и С. Флорина, в которой подробно исследуются как сходство между названными понятиями, так и существующие между ними различия [1, с. 16–20]. Не касаясь этого вопроса подробно (поскольку его рассмотрение не входит в задачи настоящей работы), отметим только один момент, важный именно для межъязыковой передачи. Термины в силу выполняемых ими функций в идеале (хотя и далеко не всегда на практике) предполагаются имеющими интернациональный характер, и, как указывал известный российско-польский иссле-

дователь С. В. Гринев-Гриневиц, одной из важных задач сопоставительного терминоведения как раз и является служить «теоретической основой гармонизации (международного упорядочения) разноязычных терминологий и перевода терминов» [3, с. 78–79]. С реалиями же ситуация выглядит принципиально иной. Во-первых, о чём уже неоднократно писали, реалия как раз представляет собой не интернациональное, а сугубо национально-специфическое явление; во-вторых, задача переводчика по отношению к ним как раз и будет заключаться не в «гармонизации» с реалиями других лингвокультурных общностей, а, напротив, в сохранении их отличительных особенностей (естественно, насколько это позволяют имеющиеся в его распоряжении средства и способы и степень владения последними).

Пожалуй, наиболее трудно разрешить указанную проблему в тех случаях, когда, передавая исходный текст, переводчику приходится в нём иметь дело с так называемыми «чужими реалиями», т. е. со случаями использования в оригинале слов и (реже) словосочетаний, принадлежащих к языку и/или культуре, не совпадающим с теми, к которым относится сам подлинник [подр. см.: 6]. Оговорка *и/или* сделана нами постольку, поскольку язык и культура применительно к интересующей нас проблеме не всегда являются параллельными: если многочисленные вкрапления из индийских языков, например, в прозе и стихах Р. Киплинга,

несомненно, должны считаться чужими и по отношению к английскому языку, на котором писатель творил, и по отношению к британской культуре, к которой автор принадлежал (хотя субъективно для самого автора, биография которого была тесно связана с Индией, они, вероятно, были не совсем «чужими»), то, скажем, для писавшего по-английски Р. К. Нарайяна отражённые в его произведениях тамильские реалии являлись, несомненно, своими, хотя для английского языка они, разумеется, не переставали быть «чужими». Сказанное, конечно, не исключает того, что освоение некогда чужой реалии может зайти настолько далеко, что она будет восприниматься как своя – ср. слова типа *tomahawk*, *wigwam* и т. п., взятые из индейских языков, но ставшие неотъемлемой частью лексики английского языка, во всяком случае в его американском варианте.

Этот последний момент представляется весьма существенным в плане межъязыковой передачи, поскольку в исходном и переводном языках ситуации со «степенью освоенности» могут весьма существенным образом различаться. *Томагавк* и *вигвам*, конечно, достаточно давно известны большинству отечественных читателей (произведения на «индейскую» тематику, в первую очередь переводы романов Фенимора Купера, входили в «культурный багаж» русскоязычного подростка как минимум с последних десятилетий XIX столетия до последних десятилетий XX), однако понятно, что с точки зрения русского языка, они были и будут в полном смысле слова чужими, и их применение ограничивается теми рамками, которые определяют использование экзотической лексики.

Отдельного рассмотрения заслуживают случаи, которые можно было бы условно квалифицировать как «возвращение реалии» – т. е. случаи, когда последняя является чужой для исходных языка и культуры, но своей для той аудитории, для которой предназначен перевод. В данном случае, на первый взгляд, в плане *понимания* соответствующих единиц вопрос не возникает: понятно, что русский переводчик, встретив в иноязычном тексте лексемы *samovar* или *matryoshka* (берём наиболее тривиальные случаи), просто воспроизведёт их в привычном кириллическом облике: *самовар*, *матрёшка*. Однако, не говоря уже о том, что иногда – особенно если автор передаёт такие слова «на слух», не потрудившись проверить правильность передачи по более надёжным источникам, – не всегда можно сразу понять, какая именно реалия имеется в виду, перед переводчиком может возникнуть дилемма, которую, по известному выражению, можно было бы назвать «эффектом развесистой клюквы». Иными словами, речь идёт о случаях, когда слова-реалии, призванные придать рассказам о чужой жизни местный колорит, настолько искажают этот последний, что перед переводчиком, принадлежащим к принимающей культуре, встаёт нелёгкий выбор: либо воспроизвести то, что находится в оригинале, и чего свой читатель явно не примет, даже если в комментарии и будет отмечено, что здесь имеет место ошибка автора, либо вмешаться в авторский текст с целью их устранения, что явно выходит за пределы переводческой задачи, да, вероятно, и этики. О подобной дилемме писал в своё время С. Флорин, говоря о применении бол-

гарских реалий в некоторых произведениях русских авторов и отмечая, что в них «есть много такого – в бытовом и историческом плане, чему никакой болгарин не поверит» [7, с. 121].

С аналогичными проблемами приходилось сталкиваться и русским переводчикам. Так, в первом романе Я. Флеминга «Казино “Рояль”», действие которого происходит в послевоенные годы и где появляется Джеймс Бонд, произведения о борьбе которого с советскими спецслужбами пользовались у западного читателя (не слишком знакомого с отечественными реалиями) огромной популярностью, главным противником агента 007 является «страшная» организация SMERSH¹. Правда, во-первых, к моменту действия романа СМЕРШ уже не существовал, а во-вторых, в годы Великой Отечественной войны выполнял он контрразведывательные функции, прежде всего против соответствующих спецслужб нацистской Германии, и агентурные действия в дальнем зарубежье были вне его компетенции. Тем не менее в русском переводе это двойное уклонение от исторической правды было сохранено, хотя задачи СМЕРШа и время его существования были переводчику, разумеется, хорошо известны².

В связи с упомянутым выше вопросом о взаимоотношении реалий и терминов отметим, что с подобной дилеммой может столкнуться и переводчик специального текста в тех случаях, когда последний содержит моменты, представляющиеся ему явно ошибоч-

ными (правда, о национально-культурной специфике в таких случаях, естественно, говорить не приходится). И в подходе к её разрешению порой сказывается различие между специалистом в той области, к которой относится текст, и профессиональным переводчиком. Характерен в этом плане пример, приведённый в своё время В. Н. Комиссаровым. Двум группам – гуманитарным и техническим образованием соответственно – был предложен текст, в котором были намеренно искажены законы физики: утверждалось, что для увеличения поглощения тепла прибор был окрашен в белый цвет. «Результаты эксперимента были весьма примечательны. У переводчиков-гуманитариев не возникло никаких проблем... за фактическую сторону описания несёт ответственность автор английского текста. И не дело переводчика его поправлять. Переводчики-технари призадумались... Некоторые из них все же перевели “white” как “белый”, сопроводив свой перевод примечанием, что, очевидно, в оригинале допущена ошибка. Остальные же отважно перевели “white” как “черный” без всяких примечаний, исправив, таким образом, оригинал в соответствии со своими знаниями» [4, с. 88].

Если попытаться применить приведённые соображения к интересующему нас вопросу, то – несколько упрощая ситуацию – можно констатировать следующее. С «Востоком» в обобщённом понимании соприкасались и англоязычная (в данном случае речь идёт преимущественно о британской), и русская лингвокультуры, однако различные области последнего были знакомы им в весьма различной степени.

¹ Fleming I. Casino Royale. Ed. repr. Publisher: Thomas & Mercer, 2015. 188 p.

² Флеминг Я. Казино «Рояль». СПб.: Амфора, 2015. 224 с.

Больше всего «точек пересечения», а соответственно, и наличия определённой общности фоновых знаний, что давно уже считается неперемным условием, обеспечивающим адекватность межъязыковой передачи, вероятно, будет наблюдаться там, где речь идёт об «исламских реалиях», т. е. единицах, передающих понятия мусульманской религии, поскольку её представители издавна составляют значительную часть населения России и бывших колоний Британской империи. Однако приходится учитывать, что и в данном случае степень известности различных входящих в данную группу единиц может не совпадать. Характерным представляется в этом смысле роман Э. Форстера *A Passage to India*. Уже заглавие первой части *Mosque* принадлежит к указанной сфере и, понятно, никаких сложностей ни в плане понимания, ни в плане передачи не вызывает, поскольку слово *мечеть* в русском языке является весьма широко распространённым и «чужой реальией» может считаться лишь условно. Но, вероятно, по-иному будет обстоять дело, со следующим предложением из текста романа: “He was invited to inspect a small *tazia* – a flimsy and frivolous erection, more like a crinoline than the tomb of the grandson of the Prophet, done to death at Kerbela”¹. В двух достаточно старых русских переводах представлены следующие варианты:

«Ему предложили осмотреть небольшую тацию – хрупкое и легкомысленное сооружение, больше напо-

¹ Forster E. *A Passage to India* [Электронный ресурс]. URL: https://bookscafe.net/read/forster_edward-a_passage_to_india-198299.html#p1 (дата обращения 09.03.2019).

минавшее кринолин, чем могилу внука Пророка, умершего в Кербеле»².

«Филдинга пригласили осмотреть маленькую тацию, – лёгкое и легкомысленное сооружение, больше похожее на кринолин, чем на могилу внука пророка, убитого в Кербеле»³.

Вряд ли большинство российских читателей – как современных переводов, так и нынешних – в достаточной степени знакомы с религиозной мистерией шиитского ислама, о которой идёт речь в данном фрагменте, связанной с представлением, посвящённым памяти о мученической гибели имама Хусейна ибн Али в 680 г., поэтому приведённую реалию можно считать полностью чужой для русской лингвокультуры. Однако, учитывая значимость данной лексической единицы и в контексте самого произведения, и в качестве одного из важнейших символов шиитского течения в исламе, само по себе его воспроизведение в двух рассматриваемых версиях представляется вполне оправданным. Тем не менее обращает на себя внимание не лишённое интереса обстоятельство. Обе переводчицы передали *z* через *ц*, что противоречит и исходному звучанию данного слова, происходящего от персидского *таазие* (оплакивание)⁴, и его звуковому значению в английском алфавите, но соответствует *z* в немецком.

Поскольку рассмотренный пример взят из произведения, действие

² Форстер Э. М. Поездка в Индию: роман / пер. с англ. В. П. Исаковой. Л.: Гослитиздат, 1937. С. 184.

³ Форстер Э. М. Поездка в Индию (История одного преступления): роман / пер. с англ. Л. И. Некрасовой. М.: М. и С. Сабашниковы, 1926. С. 208.

⁴ Прозоров С. М. Тазийа // Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 220.

которого происходит в Индии, представляется целесообразным – возвращаясь к вопросу о «восточных реалиях» в исходном и переводном текстах – остановиться на соответствующих лексических единицах, связанных с последними, несколько подробнее. Опять-таки, обе интересующие нас лингвокультуры имели с ними определённые точки соприкосновения, но «удельный вес» русско-индийских и англо-индийских контактов был, разумеется, весьма различен, а характер их отличался коренным образом.

Советский писатель и публицист И. Г. Эренбург, посетивший Индию в середине прошлого века – вскоре после обретения страной независимости, – рассказывая о своих впечатлениях, писал, касаясь этого вопроса: «В Пондишери я видел карту, на которой отмечены все чужеземцы, вторгавшиеся в Индию. Не скрою – мне было приятно, что в длинном перечне нет моих соотечественников. Тверской купец Афанасий Никитин добрался до далекого Бидара не для того, чтобы его завоевать, и никогда он не помышлял о создании “Ост-Индской компании”»¹.

Это отсутствие «силовых контактов» (будь то сила оружия или неравноправная торговля – а Ост-Индская компания, как и сменившие её представители британской короны, как известно, отличались и тем, и другим) привело к своеобразному восприятию образа Индии в России, которое, пожалуй, сохранялось в некотором отношении вплоть до XX в. «Далекая заморская Индия в нашей отечествен-

ной традиции всегда устойчиво олицетворяла образ дальних райских земель, куда неудержимо влеклась мысль тех, кто чувствовал себя стесненным обычным жизненным коридором. Кажется, ни в какие, даже самые тяжелые периоды нашей истории не смотрела Россия на Индию недобро, исподлобья и не воспринимала ее в минорно-мрачных тонах. Напротив, ее всегда видели окрашенной в яркие и сочные неземные тона. // Индия связывалась с непостижимо далеким пределом, краем земли, где “соткнуся небо с землей”. Добраться туда невыносимо трудно: “в тое землю трудно дойти человеком...”»².

Разумеется, уже с середины XX столетия, после обретения страной независимости, советско-индийские, а затем и российско-индийские контакты развивались весьма интенсивно. Однако реалии колониальной Британской Индии (в состав которой, как известно, входили также нынешние Пакистан и Бангладеш) по-прежнему вряд ли особенно известны современному «среднему» российскому читателю, поскольку стали историзмами уже и у себя на родине. Между тем переводчикам художественных произведений английских авторов XIX – первой половины XX вв. приходится иметь дело прежде всего именно с ними. В этом отношении последние остаются в значительной степени своего рода «белыми пятнами» и в наши дни, какими, собственно, они были и в те годы, когда происходило знакомство с соответствующими текстами, в той или иной мере отражающими индийскую тематику.

¹ Эренбург И. Г. Индийские впечатления [Электронный ресурс]. URL: <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st002.shtml> (дата обращения: 10.03.2019).

² Абедиль М. Ф. Индия: беспредельная мудрость [Электронный ресурс]. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22619/ogl.shtml> (дата обращения: 10.03.2019).

В связи с этим представляется неоднозначным и ответ на вопрос о том, какими средствами переводного языка должны воспроизводиться встречающиеся в них реалии. Любопытный пример в этом отношении представляют «индийские» страницы романа А. Конан Дойла «Знак четырёх». В частности, имеем в виду встречающуюся в нём три раза реалию *khitmutgar*, которая употреблена в следующих контекстах:

Show them to me, *khitmutgar*¹.

So I left Pondicherry Lodge, taking the old *khitmutgar* and Williams with me².

...But he was very sly and had always two prize-fighters, besides his sons and *khitmutgar*³.

Характерно, что в одном из наиболее известных русских переводов данного произведения, принадлежащем М. Д. Литвиновой, представлены разные способы передачи. В первом случае наблюдаем опущение реалии («Проводите их ко мне»⁴), во втором и третьем – то, что можно назвать переводческой генерализацией («Так я и покинул Пондишери-Лодж, взяв с собой старого слугу-индуса и Уильяма»⁵; «Но

Шолто был хитёр. В качестве привратников он всегда держал при себе двух профессиональных боксёров и при нём всегда были его сыновья и слуга-индус»⁶). Может показаться несколько спорным выбор слова *индус*, поскольку в современном русском языке эта лексема определяется как «индус – последователь индуизма»⁷, тогда как данная реалия относилась к слуге-мусульманину (“a word is habitually applied to a Musulman servant, whose duties are connected with serving meals and waiting at table”)⁸. Однако, с другой стороны, ещё на рубеже XIX–XX столетий это слово могло употребляться и для обозначения человека индийского происхождения вне зависимости от его религиозной принадлежности – ср. фрагмент из приведённых выше путевых очерков И. Г. Эренбурга: «В детстве я читал о волнениях в Индии и всегда при этом думал – неужели индийцы, или, как мы тогда говорили, индусы, не добьются своего освобождения...»⁹.

Что касается того, что ни в одном из рассмотренных случаев переводчица не сочла целесообразным использовать приём транскрипции / транслитерации, т. е. отказалась от передачи национально-культурной специфики реалии, то в данном случае, вероят-

¹ Conan Doyle A. The Sign of Four // Sir Arthur Conan Doyle. The Penguin Complete Sherlock Holmes / pref. Ch. Morley. New York: Penguin Books, 1983. P. 100.

² Conan Doyle A. The Sign of Four // Sir Arthur Conan Doyle. The Penguin Complete Sherlock Holmes / pref. Ch. Morley. New York: Penguin Books, 1983. P. 104.

³ Conan Doyle A. The Sign of Four // Sir Arthur Conan Doyle. The Penguin Complete Sherlock Holmes / pref. Ch. Morley. New York: Penguin Books, 1983. P. 156.

⁴ Конан Дойль А. Знак четырёх // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Правда, 1966. С. 169.

⁵ Конан Дойль А. Знак четырёх // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Правда, 1966. С. 5.

⁶ Конан Дойль А. Знак четырёх // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Правда, 1966. С. 260–261.

⁷ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. С. 300.

⁸ Yule H., Burnell A. C. Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1996. P. 486.

⁹ Эренбург И. Г. Индийские впечатления [Электронный ресурс]. URL: <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st002.shtml> (дата обращения 10.03.2019).

но, это было вызвано тем обстоятельством, что данная единица в русском языке практически неизвестна, да и особой роли действующее лицо, к которому она относится, в произведении не играет. Однако с другой лексемой – *Pandy*, использовавшейся английскими солдатами для обозначения восставших индийских военнослужащих-сипаев, которую автор перевода также предпочла заменить лишённой индийского колорита лексемой *мятежники* (*A flying column under Colonel Greathed came round to Agra and cleared the Pandies away from it*¹ / «Летучие отряды полковника Грейтхеда окружили Агру и выгнали из города всех мятежников²) – дело, на наш взгляд, обстоит несколько по-иному. Эта кличка является яркой речевой характеристикой персонажа, рассказывающего о своём

участии в борьбе с повстанцами, и отказываться от её воспроизведения – это примерно то же самое, что пренебречь при межъязыковой передаче отечественной литературы, повествующей о Великой Отечественной войне, включением в перевод слов типа *ганс* или *фриц* с их ярко выраженной эмоциональной насыщенностью.

Подводя итог сказанному, отметим, что вопрос о репрезентации так называемых «восточных» реалий, встречающихся в творческом наследии англоязычных авторов, может рассматриваться как составная и вместе с тем обладающая собственной спецификой часть общей проблемы воспроизведения культурно окрашенной лексики и заслуживает дальнейшего изучения.

Статья поступила в редакцию 16.05.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С., Флорин С. Непере译димое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. Гарбовский Н. К. О переводе. М.: ФОРУМ, 2016. 752 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: курс лекций. М.: ЭТС, 1999. 192 с.
5. Легурска П. Реалии и перевод // Славянский мир в третьем тысячелетии. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 67–88.
6. Пугина Е. Ю., Холстинина Т. В. Лакунарность «чужих реалий» в исходном тексте как переводческая проблема // Вестник Московского государственного областного университета Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 167–173.
7. Флорин С. Муки переводческие: Практика перевода. М.: Высшая школа, 1983. 184 с.
8. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И., Осипова А. А. Оригинал, перевод, переводоведение. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 118 с.
9. Перевод и переводы: История и современность / Г. Т. Хухуни, И. Ф. Беляева, И. И. Валуйцева, А. А. Осипова. М.: Флинта, 2018. 100 с.
10. Translation Strategies Of Cultural Words In Animal Farm Into Indonesian / U. Mono, A. Saragih, M. R. Nababan, S. Lubis // IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS). 2015. Vol. 20. Iss. 1. Ver. 2. P. 90–95.

¹ Conan Doyle A. The Sign of Four // Sir Arthur Conan Doyle. The Penguin Complete Sherlock Holmes / pref. Ch. Morley. New York: Penguin Books, 1983. P. 151.

² Конан Дойль А. Знак чегырѣх // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Правда, 1966, С. 253.

REFERENCES

1. Vlachov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 416 p.
2. Garbovsky N. K. *O perevode* [On translation]. Moscow, FORUM Publ., 2016. 752 p.
3. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie* [Terminology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p.
4. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow, ETS Publ., 1999. 192 p.
5. Legurska P. [Realia and translation]. In: *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii* [Slavic world in the third Millennium]. Moscow, Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Science Publ., 2015, pp. 67–88.
6. Pugina E. Yu., Kholstinina T. V. [The lacunae of “foreign realia” in the source text and the problem of their rendering]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 3, pp. 167–173.
7. Florin S. *Muki perevodcheskie: Praktika perevoda* [Torment of Translation: Translation Practice]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1983. 184 p.
8. Khukhuni G. T., Valuitseva I. I., Osipova A. A. *Original, perevod, perevodovedenie* [The original, the translation, translation studies]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2016. 118 p.
9. Khukhuni G. T., Belyaeva I. F., Valuitseva I. I., Osipova A. A. *Perevod i perevody: Istoriya i sovremennost'* [Translation and translations: History and modernity]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 100 p.
10. Mono U., Saragih A., Nababan M. R., Lubis S. Translation Strategies of Cultural Words In *Animal Farm* Into Indonesian. In: *IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS)*, 2015, vol 20, iss. 1, ver. 2, pp. 90–95.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета;
e-mail: annewrka@mail.ru

Пугина Елена Юниоровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета;
e-mail: mirka2011@yandex.ru

Холстинина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета;
e-mail: tat78@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Novikova – PhD in Philological Sciences, Associated Professor at the Department of Theory of Language and Anglistics, Moscow Region State University;
e-mail: annewrka@mail.ru

Elena U. Pugina – PhD in Philological Sciences, Associated Professor at the Department of Theory of Language and Anglistics, Moscow Region State University;
e-mail: mirka2011@yandex.ru

Tatyana V. Kholstinina – PhD in Philological Sciences, Associated Professor at the Department of Theory of Language and Anglistics, Moscow Region State University;
e-mail: tat78@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новикова А. В., Пугина Е. Ю., Холстинина Т. В. «Восточные реалии» в «западном» тексте: проблема межъязыковой передачи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 115–124.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-115-124

FOR CITATION

Novikova A. V., Pugina E. U., Kholstinina T. V. "Eastern realities" in the "western" text: the problem of interlingual transfer. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 4, pp. 115–124.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-115-124